(«Языкознание», 21 том) и ряд значительных филологических изданий в Латвийской ССР.

В последнее время за границей издан ряд значительных трудов: Этимологический словарь литовского языка, подготовленный немецким языковедом Э. Френкелем; Словарь литовского языка А. Куршайтиса; трехтомная Грамматика литовского языка, написанная польским языковедом Я. Отрембским; Сравнительная грамматика балтийских языков, созданная норвежским ученым Кр. С. Стангом. Как отечественная, так и зарубежная лингвистическая печать часто публикует исследования по балтийским языкам. Без более глубокого познания балтийских языков и использования их материалов сегодня немыслимо решение многих проблем индоевропеистики и сравнительного языкознания.

К. КОРСАКАС,
академик АН Литовской ССР

А. САБАЛЯУСКАС,
старший научный сотрудник
Института литовского языка и литературы
АН Литовской ССР

РУССКИЕ СЛОВА БАЛТИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Известно, что новые слова появляются в языке не только на базе старых слов, но и в результате общения с другими народами. Заимствованные слова часто помогают лингвистам, историкам, этнографам приподнять завесу, скрывающую прошлое того или иного народа, языка.

В балтийских и славянских языках мы обнаруживаем немало общего в лексике. С одной стороны, это объясняется сохранением древнейшего языкового слоя, восходящего к праиндоевропейскому состоянию; с другой — обоюдными

заимствованиями. И хотя заимствование слов носило обоюдный характер, до последнего времени ученые больше внимания уделяли исследованию славянских слов, заимствованных литовским и латышским языками. Влияние балтийских языков на славянские изучалось мало. Более того, у некоторых языковедов (например у известного польского ученого-этимолога А. Брюкнера) обнаруживается предвзятый подход к исследованию, выражающийся в отрицании самой возможности влияния балтийских языков на славянские. На самом деле языковые отношения между балтами и славянами не были односторонними. В восточнославянских языках, как и в польском, можно найти слова, заимствованные из балтийских языков в разные периоды истории этих народов.

Исторические судьбы народов сложились так, что большинство балтийских заимствований в восточнославянские и польский языки шло из литовского, а не из латышского. После образования Великого княжества Литовского почти вся Белоруссия, часть западнорусских и северноукраинских земель вошла в состав Литовского государства. Естественно, что в эту эпоху значительное количество литуанизмов (слов литовского происхождения) проникло в восточнославянские языки. Как известно, окончательная христианизация Литвы была осуществлена через славянское (польское) посредничество. Именно поэтому среди славянских заимствований в литовский язык довольно много слов, связанных с религией и духовной жизнью. Совсем иная картина вырисовывается при изучении литовских и редких латышских заимствований в славянских языках. В них лексика балтийского происхождения в основном охватывает разные области материальной жизни — сельское хозяйство, строительство, повседневный быт крестьянина.

Наибольшее количество балтизмов до сих пор обнаружено в польском языке и его диалектах — около 400 слов; затем в белорусском — около 300 слов (однако в последние годы, в связи с подготовкой этимологического словаря белорусского языка, обнаружено много новых, до сих пор не отмеченных балтизмов, так что приводимые здесь цифры по отдельным славянским языкам весьма относительны). Количество балтизмов в русском языке не достигает и 200 слов, а в украинском их насчитывается всего несколько десятков (примерно 30). Этим в основном и ограничивается круг славянских языков, в которые про-

никли слова балтийского происхождения. Основная масса балтизмов засвидетельствована в тех говорах славянских языков, которые непосредственно соприкасались с Литвой и Латвией. Это, например, псковские и смоленские говоры русского языка, витебские и гродненские говоры белорусского, северо-восточные говоры польского. Но некоторые балтизмы, например *деготь*, *вентерь*, *пакля*, *скирда*, *янтарь*, *ковш*, оказались такими «подвижными», что перешагнули Уральские горы на востоке, добрались до южных областей Украины, охватили почти всю Польшу.

Нельзя не обратить внимания на одну важную особенность распространения балтизмов в славянских и славизмов в балтийских языках. Сегодня все балтийские языки, вместе взятые, занимают территорию, которая равняется порой территории лишь одного русского диалекта. Неудивительно, что любое славянское слово, проникшее в какой-нибудь пограничный говор литовского или латышского языка, без особых затруднений распространяется на всей балтийской территории. Иначе обстоит дело с распространением слов балтийского происхождения в славянских языках. Балтизм, порой охвативший территорию, большую, чем территория самих балтийских языков, тем не менее остается диалектным словом, известным только в части русских или белорусских, польских, украинских говоров. Этим отчасти объясняется небольшое количество балтизмов, проникших в славянские литературные языки и известных на всей территории русского или польского языка (в белорусском таких повсеместно известных балтизмов значительно больше).

Балтизмы проникали обычно в другие языки устным путем, через разговорную речь, в результате непосредственных живых контактов с носителями славянских, финских или германских языков. Такой способ проникновения слов балтийского происхождения в другие языки стал одной из причин их территориальной и тематической ограниченности.

Мы уже отмечали, что больше всего балтизмов в русском, как и в других славянских языках, приходится на сельскохозяйственную лексику. Здесь мы находим такие слова: деревня (от лит. dirvà 'пашня, нива'), дырва́н — 'паровое поле, залежь' (от лит. dirvònas — то же), ды́рса — 'житняк; костер (сорная трава)' (от лит. dirsė — то же) е́вня — 'овин' (лит. jàuja 'овин, рига'), клу́ня — 'молотильный сарай, рига' (лит. klúonas 'гумно, рига'), сви́р-

на, свирон — 'постройка для хранения зерна, половы, снопов' (лит. svirnas 'клеть, амбар'), скирда́ — 'большой стог сена или хлебов' (лит. stìrta — то же), паршу́к — 'поросенок' (лит. paršiùkas — то же), пу́ня — 'изба или сарай для хранения зерна' (лит. pūnė — то же). К ремесленной (строительной) лексике относятся в первую очередь слова: деготь (лит. degùtas), пакля (лит. pãkulos), склют — 'специальный топор для обработки дерева' (лит. skliùtas 'тесло'), и упомянутые выше названия сельскохозяйственных построек.

Можно еще выделить балтизмы, обозначающие предметы домашнего обихода, обувь: жлу́кто — 'кадка для стирки белья' (лит. žlùktas — то же, 'белье, приготовленное для стирки'), ковш — 'корец, деревянный черпак с ручкой' (лит. káušas, латыш. kaûss — то же), клу́мбы — 'обувь на деревянной подошве' (лит. klùmbė, klùmpė — то же, 'деревянные башмаки'), ку́рпы — 'берестяные лапти; мужские башмаки' (лит. kùrpės, древнепрусск. kurpe 'сапог'); названия пищи: крупе́ня — 'суп или жидкая каша из крупы' (лит. kruopiėnė — то же), пу́тра — 'жидкая похлебка' (лит. putrà, латыш. putra 'суп; еда'), тю́ря — 'каша; жидкая еда' (лит. tỹrė 'каша') и др.

Часть слов относится к самым различным тематическим группам: вала́нда — 'медлительный человек; гуляка, шатун', вала́ндаться — 'медлить, копошиться' (оба слова — от лит. valandà 'час'), ве́нтерь — 'рыболовная сеть' (лит. vénteris, латыш. veñteris — то же), пе́лька — 'болото' (лит. pélkė — то же; многочисленные значения и распространение этого балтизма в говорах русского и белорусского языков рассмотрены в книге Н. И. Толстого «Славянская географическая терминология». М., 1969), янтарь (лит. giñtaras — то же).

Приведенные слова — общепризнанные балтизмы, они не раз были предметом обсуждения в научной литературе. Наиболее детально до сих пор исследовались балтизмы белорусские (см., например, работы Е. Ф. Карского, Э. Блезе, К. Яблонскиса, В. Урбутиса) и польские (начиная с трудов Я. Карловича до последних работ Я. Отрембского и Т. Зданцевича). Русские и украинские балтизмы не привлекали к себе столь пристального внимания. Детальное изучение украинской лексики балтийского происхождения началось в основном только с работ А. П. Непокупного. Краткие заметки о русских балтизмах мы находим уже в работах А. Л. Погодина, А. А. Потебни,

А. И. Соболевского и К. Буги; наибольшее количество балтизмов в русском языке отмечено в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера.

Однако изучение русских балтизмов нуждается в дальнейшем расширении и углублении: с изданием словарей русских народных говоров обнаруживаются все новые, до сих пор неизвестные в науке слова, среди которых есть и лексика балтийского происхождения. Так, в картотеке Псковского областного словаря Ленинградского университета нам удалось обнаружить ряд балтизмов, засвидетельствованных только в псковских говорах русского языка. Например: курме́ль — 'пескарь' (ср. белорусск. *курме́ль* 'карась', от лит. kurmĕlis, уменьшительного к kùrmis 'крот'), рявге́нья — 'солодовая каша' (ср. белорусск. *раўге́ня* 'солодовая каша, кислые щи', польск. rougienia — то же, от лит. raugiẽne 'закваска'), у́дра — 'выдра' (лит. ūdra — то же) и др.

Некоторые из этих балтизмов, как мы видим, встречаются также в соседних белорусских и польских говорах, и их балтийское происхождение давно стало общепризнанным. Однако часть подобных слов еще никем не относилась к балтизмам. На каком основании мы все же относим их к словам балтийского происхождения? Выработаны ли здесь какие-нибудь научные критерии или всякое предположение строится на догадках, на интуиции? Как показывают результаты исследований М. Фасмера и других этимологов, существуют определенные критерии выделения языковых заимствований, в том числе и балтизмов в славянских языках. Один из основных — фонетический критерий. Его применение можно проиллюстрировать на таком примере.

Возьмем русское диалектное (псковское) слово *удра* 'выдра', которое мы отнесли к числу балтизмов. Как определить, кто у кого заимствовал это слово: литовцы у псковичей или псковичи у литовцев? Литовское ū́dra содержит в своем корне долгий гласный ū. Этому гласному в славянских языках, как правило, соответствует гласный *ы*: лит. bū̀ti — русск. *быть*, dūmas — *дым*, sūnùs — *сын* и т. п. В этот ряд соответствий, естественно, входит и литовское ū́dra — русское (*в*)*ыдра* (со вторичным *в*, появившимся в праславянскую эпоху). Во всех славянских языках, кроме русского диалектного *удра*, в данном слове мы находим гласный *ы*, а в начале слова — *в*. Если

бы славянское *выдра* было заимствовано литовским языком, то в нем было бы *vuidra, ибо в литовских славизмах звук *ы*, как правило, передается через литовское ui (русск. *мыло* — лит. muĩlas, *быт* — buitas, белорусск. *смык* 'смычок' — smiūkas 'скрипка').Приведенные факты совершенно исключают возможность исконного родства литовского ūdra с русским диалектным *удра* или заимствования из русского языка в литовский. Правдоподобное объяснение здесь может быть лишь одно: *удра* — заимствование из литовского языка.

Таким же способом доказывается происхождение и других балтизмов — как ранее установленных, так и новых. Разумеется, фонетический критерий не единственный, с помощью которого можно прийти к выводу о заимствовании того или иного слова. Значительную помощь исследователю оказывают морфологические свойства и значения слов, область их распространения.

Изучение балтизмов в славянских языках еще далеко не завершено. Нам очень мало известно о заимствованиях древнейшей поры, когда языковые связи между славянами и балтами были настолько тесны, что наводили и наводят многих исследователей на мысль об исключительно близком родстве этих языковых групп. Какие слова в ту отдаленную эпоху были родственными, а какие заимствовались из одних языков в другие? На этот вопрос ответят дальнейшие исследования балто-славянской лексики.

Анализ балтийских заимствований в славянских языках (особенно древнейшего их слоя) представляет собой одну из существенных сторон изучения славяно-балтийских языковых контактов. Выяснение этих контактов исключительно важно для решения одного из кардинальных вопросов славистики — вопроса о прародине и о древнейшем периоде истории славян.

Ю ЛАУЧЮТЕ
Ленинград